

СПЕЦНАЗ

ПРИГОВОРЕННЫЙ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

С17 Самаров, Сергей Васильевич.
Приговоренный / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 288 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-089632-5

В состоянии аффекта капитан ГРУ Максим Онучин застрелил наркоторговца, пытавшегося продать героин его солдатам. На офицера завели уголовное дело, ему грозит серьезный тюремный срок. Претензии к Максиму есть и у наркодилеров: с места преступления пропал рюкзак с товаром на очень крупную сумму. Онучин понимает, что оказался между двух огней и помощи ждать неоткуда. Продажные следователи готовятся чужими руками убрать Максима «при попытке к бегству». Но боевые товарищи капитана ликвидируют киллеров и помогают ему вырваться на свободу, чтобы вместе вступить в смертельную схватку с торговцами смертью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089632-5

Глава 1

Ситуация была элементарная до безобразия. Проще и придумать нельзя. Вернее сказать, началась она именно так. Потом только усложнилась.

Капитан Слава Полуэктов был командиром автороты при нашем сводном отряде спецназа ГРУ, действовавшем на Северном Кавказе. Он носил нарукавную эмблему с надписью «ВС РФ. Военная разведка» и с изображением летучей мыши на фоне земного шара, но к спецназу, откровенно говоря, никакого отношения не имел. Я молчу о прыжках с парашютом или о других видах десантирования, об опыте рукопашного боя. Он даже традиционный пятидесятикилометровый марш-бросок преодолевал скорее всего только за рулем автомобиля или вообще сидя рядом с водителем. Хотя, кажется, ездил время от времени со своей ротой на стрельбище и умел держать в руках автомат.

Слава окончил когда-то военный автомобильный институт, где курсанты навыков разве-

дывательной работы, понятное дело, не получали. Я нисколько не сомневался в том, что он неплохо разобрался в своем деле. Доказательством тому служил тот факт, что автомобили и бронетехника никогда не подводили нас.

Капитан Полуэктов был одним из немногих постоянных офицеров сводного отряда. Нас, спецназовцев, обычно прикомандировывали к нему на полгода, иногда вообще только на срок выполнения конкретной операции, как правило довольно короткий. На постоянной основе здесь служили лишь несколько офицеров. Это начальник шифровального отделения, которому требовалось несколько дней, если не целая неделя только для передачи сменщику всех своих хитрых дел, документации и техники. Или начальник складов, которого нельзя было заменить без проведения ревизии, которая затянулась бы минимум на месяц. Не было особого смысла переводить куда-то и Славу, командира автороты.

Все эти офицеры с семьями проживали в поселке, находящемся рядом с военным городком, или в Махачкале, расположенной недалеко. Оттуда они каждое утро приезжали на службу на специальном автобусе в сопровождении бронетранспортера.

Я с одним взводом своей роты возвращался с операции и сидел в кабине грузовика. По звуку мне показалось, что двигатель, как гово-

рится, троит. Что-то не то с цилиндрами. Сам заядлый автомобилист, я не мог не обратить на это внимания водителя.

В ответ тот пожал плечами и заявил:

— Машина не за мной закреплена. Штатный водитель болеет. Меня только на один рейс на нее посадили. Это надо командиру роты говорить.

Когда вернулись, я в гараже заглянул в закуток, где сидел капитан Полуэктов, дождался, когда тот закончит разговор по телефону, и сказал что хотел.

Слава мрачно посмотрел на столешницу, избегая встречаться со мной взглядом, и сообщил:

— Водитель в санчасти. В тяжелом состоянии. В реанимации. Я как раз сейчас с врачом говорил. Но машину, конечно, прикажу посмотреть.

— А что с водителем? — не особо интересуясь, просто машинально спросил я.

— Да, понимаешь, парень раньше травку покуривал. Я его уж и в механики на два месяца переводил, потом, из-за нехватки водителей, снова за руль посадил. Да, клялся-божился, что больше не будет. А тут сразу передозировка. Врач говорит, что героин. Знать бы, где берут, кто поставляет. Мне офицеры говорили, что время от времени в умывальнике находили шприцы с кровью. Выявить бы поставщика.

Сам автомат взял и пристрелил бы! А потом будь что будет.

Это говорил капитан автороты, автомобилист, не имеющий характера спецназовца. Но я поверил, что он был в состоянии не только сказать так, но и сделать.

Разговор этот вспомнился мне через полтора месяца. Тогда я с двумя взводами своей роты возвращался из отдаленного района республики, с самой административной границы с Чечней. Мы оцепили там лес, который прочесывали местные менты-спецназовцы.

Тракторист из ближайшего села сообщил, что видел в лесу троих вооруженных длиннобородых людей. Время терять было нельзя. У местных ментов не хватало людей для полноценного оцепления леса. Поэтому они обратились и в соседний район, и к нам в сводный отряд.

На задание послали меня во главе двух взводов.

В лесу менты никого не нашли, но это дело было привычным. Бандиты, если они там вообще были, могли уже перебраться куда угодно, спрятаться в хорошо замаскированной норе. Укрываться они умеют.

Когда менты прошли лес насквозь и встретились с нами, нам было предложено возвращаться. Транспорт нас ждал.

Примерно на половине дороги в обратную сторону водитель моей машины сообщил, что требуется заправка. Как раз неподалеку была бензоколонка.

Грузовики вообще отличаются прожорливостью. Обычно они под завязку заливаются прямо в гараже нашей автороты, но когда выпадает дальняя дорога, водители получают наличные для заправки. Для отчета требуется только предъявить чек, на котором начальник колонны — в данном случае я — должен поставить свою подпись.

Как полагается по армейским правилам, водители высадили солдат на обочине дороги и загнали машины на заправку. Я отошел в сторону и опустился на камень. После мягкого кресла «КамАЗа», от которого тоже устаешь, приятно было посидеть на жестком.

Я смотрел в сторону, услышал за спиной какие-то крики, обернулся и увидел довольно любопытное кино. Двое моих сержантов весьма квалифицированно избивали какого-то местного парня. Они обрабатывали его так, чтобы много следов не осталось, тем не менее этому человеку пришлось бы худо.

Парень пропустил несколько жестких тычков по почкам, после которых он наверняка будет по ночам мочиться в постель. Потом он схлопотал пару конкретных ударов ногой в низ живота.

Участники уличных драк всегда стремятся врезать противнику в пах. Это очень болезненно, но несмертельно. А вот удар носком тяжелого солдатского берца чуть выше лобковой кости заставляет лопнуть мочевого пузыря.

Мужчина обычно, несмотря на кровь в моче, стесняется обратиться к врачу с такими болячками. Доктор в состоянии помочь только в течение первых суток. На вторые уже не в состоянии выручить даже хирургическая операция. На третьи сутки после получения удара человек умирает.

Этот удар спецы часто называют отложенной смертью. На то, чтобы нанести его, нужна важная причина или отъявленная жестокость. Однако я точно знал, что такой степенью садизма никто из бойцов моей роты не страдал.

Я прикрикнул на этих героев, заставил их остановиться и подошел.

Мои спецназовцы за что-то не по-детски разозлились на местного жителя, парня лет двадцати пяти, может, чуть моложе или старше. Традиционная кавказская небритость мешала мне точно определить его возраст.

Когда мои ребята его били, он еще держался на ногах, хотя и болтался из стороны в сторону, как сосиска, нанизанная на вилку. Я сам обучал этих сержантов рукопашному бою и твердо знал, что им не стоило труда уложить его с одного замаха. Но они не торопились с этим,

намеренно били парня так, чтобы он подольше держался на ногах. Так можно было нанести ему больше увечий.

При моем приближении он упал на колени и закрыл ладонями низ живота.

— Что случилось? — спросил я.

— Этот мерзавец наркоту хотел солдатам продать! — объяснил старший сержант Горунов.

— Какую наркоту? — строго уточнил я.

— А вот эту самую. — Старший сержант показал мне два пластиковых пакетика.

Один побольше, с сухой травкой, другой поменьше, с порошком, слегка отливающим желтизной. Объяснять, что это такое, мне не требовалось.

— На выбор, кому что больше по душе. Конопля и героин, — заявил сержант Лаптев, лучший в роте боец-рукопашник.

От здания автозаправочной станции к нам уже бежал низкорослый кривоногий мент, который, видимо, дежурил там. В руках у него был автомат.

Сперва я увидел его, потом шагнул к избитому парню и спросил:

— Ты солдат моих, значит, отравить хочешь?

Тут-то мне и вспомнился капитан Полуэктов. Мысли каким-то тяжелым, красным, горячим валом хлынули в голову. Даже глазам стало больно.

Я не знал, сумели ли доктора поставить на ноги того солдата-водителя после передозировки. Но сразу представил себе, как с таким же диагнозом попадает в реанимацию кто-то из солдат моей роты. У нас в умывальнике шприцы пока еще никто не находил, но угроза была вполне реальной.

Я посмотрел на мента, который бежал в нашу сторону с автоматом в руках. В глазах у меня вдруг потемнело, словно начались сумерки. Кровь ударила в голову. Я сделал еще один шаг в сторону местного парня, стоявшего на коленях, приставил к его голове автоматный ствол и дал очередь, совсем короткую, в два патрона.

— Зря вы, товарищ капитан, — сказал старший сержант Горюнов. — Он и сам через пару дней под забором подох бы. Мы работали старательно, с чувством, с толком.

Ночью дневальный, присланный дежурным по части, поднял меня с казарменной жесткой постели и сказал, что я должен немедленно прибыть в кабинет начальника штаба сводного отряда. Я шел через военный городок и чувствовал, что кто-то держит меня на прицеле. Так оно, наверное, и было.

Осуществляли мое задержание люди из спецназа ФСБ, битком набившиеся в кабинет начальника штаба. Представители других си-

ловых структур, видимо, не решились повязать офицера спецназа ГРУ там, где размещались его подчиненные, боялись, что никогда не вернутся оттуда. Никто не знал, как поведут себя солдаты при попытке задержать их командира.

ФСБ — организация серьезная, хотя сотрудники этой конторы тоже перестраховывались. Я понял это еще по пути в штабной корпус, когда меня из темноты сопровождали наставленные стволы.

Видимо, какую-то уверенность моим оппонентам придавало согласие начальника штаба на мое задержание. Потом он говорил мне, что посчитал все это происшествие каким-то недо-разумением, которое вот-вот само собой разрешится. Я же не поставил его в известность о происшествии, написал рапорт, но передать не смог, поскольку к моменту нашего приезда начальника штаба в кабинете уже не было.

Сразу же после задержания, еще в ночное время, меня доставили в суд. Там сидел дежурный судья, который сразу и без всяких сомнений оформил арест. До этого офицеры спецназа ФСБ, среди которых почему-то не оказалось ни одного моего знакомца, участника многочисленных совместных боевых операций, передали меня с рук на руки простым вертухаям. Под роспись, прямо во дворе Следственного комитета, перед распахнутой дверцей автозака.

Из этого я сделал вывод, что следствие по факту убийства наркоторговца будут вести местные, республиканские структуры. Этот вариант показался далеко не самым лучшим. Но меня никто не спрашивал, с кем я желал бы иметь дело.

Я почему-то думал, что меня передадут военному Следственному комитету. До меня только потом дошло, что органы подобного рода умеют между собой договариваться. Время от времени они делят функции. Это зависит от того, кто именно вышел на конкретное уголовное дело.

Особенно просто было сделать так в национальной республике. Здесь, как в Средние века, царит клановость. Многое, если не все, решают родственные и финансовые отношения.

Уже на первом допросе, который проводился в ту же ночь, еще до оформления ареста на судебном заседании, следователь в синем мундире с погонами подполковника показал мне два пакетика, которые прежде держал в руке старший сержант Горюнов. Может быть, и не те самые, но ничем не отличимые от них, явно из той же партии.

— Это что? — спросил он меня настолько строго, что я невольно посмотрел на вторую руку следователя.

Нет ли в ней кирпича, которым он ударит меня в ухо после любого ответа на свой вопрос?

— Наркотики. Травка и героин.

— А вот наши эксперты говорят, что наркотиками здесь и не пахнет. Трава сорвана под каким-то деревом. Скорее всего где-то рядом с домом, потому что имеет примесь кошачьей мочи, высушена вместе с ней. А порошок — вовсе не героин. Им зубы чистят. В него только чуть-чуть краски для желтизны добавлено. Улавливаешь, капитан?

У меня сразу же появилась интересная мысль. Если это те же самые два пакетика, то забрать их у старшего сержанта Горюнова следователи могли только после моего задержания. Никак не раньше. Провести анализ и сделать заключение эксперт еще просто физически не успел бы. Даже если это другие пакетики, которые наверняка имелись у торговца наркотой, убитого мною, то ситуация несколько не менялась. Красивые подробности про кошачью мочу выдуманы прямо сейчас и добавлены для пущей убедительности. С ними эта история выглядела куда более правдоподобно.

Но это утверждение следователя дало мне повод подумать о том, как, по какому направлению двинется следствие. Я понял, что обвинять меня будут в преднамеренном убийстве, видимо, приотягчающих обстоятельствах, к которым отнесут предварительное избиение.